

Skys

БЕЗУМИЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мария Мирей

Мария Мирей
Вкус Безумия

«Автор»

2020

Мирей М.

Вкус Безумия / М. Мирей — «Автор», 2020

Он. Имеет ли вкус безумие? Мое определенно имеет. Вкус земляники и солнца с нотками корицы. Оно имеет не только вкус, но и яркую, ослепительную красоту. Оно живет со мной так давно, что я уже и не помню, когда оно появилось. Оно вросло в меня, укоренилось, и день ото дня растет, прогрессирует в болезненную потребность. Может кто-то назовет ее любовью, кто-то страстью или нежностью, но для меня это чувство безысходности и агонии, потому что это мой приговор судьбы. Она. Имеет ли вкус счастье? Мое, безусловно, имеет. Оно сладко - горького вкуса, с начинкой, которая вряд ли придется по вкусу каждому. Я, как ребенок, раскусив его, словно конфету, с удивлением смотрю на его уродливую составляющую. Но это моя судьба, моя дорога по которой я иду без путеводаителя, сбивая ноги в кровь, и обжигаю душу. Однотомник. ХЭ. Жесть. Альтернативная Россия. Строго 18+. Присутствует сцена изнасилования. Героине есть 18 лет. Содержит нецензурную брань.

© Мирей М., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	18
Глава 6	20
Глава 8	26
Глава 9	28
Глава 10	30
Глава 11	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Мария Мирей Вкус Безумия

Пролог

Я мчался по пустой трассе на предельной скорости, надеясь, что скорость и адреналин успокоят мою бурлящую кровь. Ночные небеса, казалось, вот-вот разверзнутся и обрушат на спящий город тонны воды.

Пять лет я не был в этом городе, и за это время мало что изменилось. Хотя я и предполагал, что ничего не изменится, я ошибался. Говорят, что время лечит, но сегодняшняя встреча в кругу семьи показала, что это не так. Время лишь притупляет боль, а открытые раны превращает в ноющие, заставляя их изредка кровоточить.

Моя же дыра в груди, казалось, жила своей жизнью и росла день ото дня, оглушая сознание воем одиночества.

В зеркало заднего вида я увидел стремительно приближающийся на огромной скорости красный джип моей сводной сестры. Выругавшись, я сбавил скорость и остановился у обочины на въезде в город. Закурил дрожащей рукой сигарету и вышел из машины.

Едва автомобиль остановился, она выскочила из него и бросилась мне навстречу. Светлые, длинные до талии роскошные волосы разметались, окутывая ее золотым покрывалом.

– Ты ведь не уедешь снова, да? – Прищипывает своим зеленым взглядом, уже предвидя ответ.

– Ты... Я ненавижу тебя! Слышишь, НЕ-НА-ВИ-ЖУ! – Успеваю подхватить ее, прежде чем она, зарывав, обессиленно упала на землю. И поздно понимаю свою ошибку.

Руки коснулись кожи обнаженных рук, и от чувственного прикосновения током прошибает обоих. Крылья носа затрепетали, почувствовав аромат, который ежеминутно и методично испарывал мою гребанную выдержку. Земляника и солнце. Волосы шелковым полотном окутали обоих. Злата словно чувствуя мою внутреннюю борьбу, с мольбой смотрит, не отводя глаз.

– Я не смогу больше одна, Кай, не смогу! Я ждала тебя целых пять лет... И каждый день пытка и агония. Я дни считала до твоего приезда, а ты вот так, не сказав ни слова...

Руками трогает мое лицо, а я вновь не в силах с этими чувствами совладать. Смотрю на нее и не могу насмотреться. Скинул свою защитную маску, обнажив душу.

– Детка, моя, сладкая... – словно в бреду повторял, целуя ее руки, нагло воруя запретную ласку.

– Нельзя нам, нельзя... Я всю тебя хочу, так сильно...

Она положила мои руки себе на грудь и с наслаждением прикрыла глаза, прошептала «Так бери». Я больше себя не контролировал и, как раньше, зарывав, впился в ярко красный рот, со вкусом земляники. Дрожащими руками гладил волосы, попеременно то хватал и с силой оттягивал ее голову назад, то целовал их, глотая изумительный аромат. Член болезненно подрагивал в штанах, а кровь стучала в висках, и только сердце, ликуя, впитывало стоны и всхлипы, исторгаемые любимой и единственной, запретной женщиной.

– Давай сбежим, улетим на край света, где будем только ты и я! И никого больше, Кай! Я не выживу, если ты меня покинешь! Я твоя! Я вся твоя, сердце и тело! – шептала в губы, иступленно целуя.

Еще долго ее слова звучали в моей голове, и по ночам надрывным криком блуждали в моем воспаленном сознании. Разве мог я предположить такой исход нашего больного, безум-

ного притяжения? Не мог. Я представить себе не мог, в какой лжи мы живем, и какой путь пройдем к своему счастью...

Глава 1

Злата

Наконец-то моя мечта сбылась – наступили долгожданные летние каникулы. Отец исполнил своё обещание, выкроив время в своём чрезвычайно плотном графике, и мы летим в отпуск на чудесные и экзотические Каймановы острова.

Мы с братом очень ждали этой поездки. Я ходила за ним по пятам, засыпая вопросами почти весь месяц, предшествующий путешествию. Не то чтобы мне были интересны какие-то детали, нет, я просто хотела проводить с ним больше времени. Наверное, я всегда, с самого детства, подсознательно жаждала его общения, внимания, серо-стального взгляда и задорной мальчишеской улыбки.

Мой брат, как всегда, говорил отец, был очень трудным ребёнком. Бесконечные драки в школе и на улице, вызовы отца в школу, выговоры и длинные нотации дома не способствовали хорошим взаимоотношениям между отцом и сыном. Однако, когда дело доходило до меня, мой всегда хмурый и замкнутый Кай менялся. Его лицо наполнялось светом, и улыбка, шокирующая своей красотой, являла миру две прекрасные ямочки, делая его волшебным в моём детском воображении.

На Каймановы острова мы прибыли к вечеру на частном самолёте нашего отца и сразу окунулись в мир первозданной природы во всём её великолепии. Огромное апельсиновое солнце в розовых брызгах опускалось прямо в море, чаруя и наполняя всё вокруг мифической аурой. В шестнадцать лет девочки особенно впечатлительны, и я не оказалась исключением. Всё моё девичье существо пело и ликovalo, наслаждаясь диковинным раем и предвкушением чего-то необычного.

Брат поглядывал на меня и улыбался, то и дело качая головой, втайне заражаясь моим восторгом. Устроившись в лучшем отеле с выходом на собственный пляж и освежившись после длительного перелёта, мы поспешили на ужин в ресторан, расположенный на берегу Карибского моря под звёздным небом.

Отец, занятый переговорами по телефону, дал знак ужинать без него, и мы уселись с братом за столик, освещённый лишь причудливыми свечами. Атмосферный вечер был наполнен экзотическими ароматами, наполняющими воздух, и солёным, едва заметным бризом. Сегодня мой брат выглядел роскошно. Тёмный ёжик волос и слегка отросшая щетина создавали контраст с головокружительным обаянием, а белая футболка подчёркивала мощные плечи и крепкую шею.

Мой брат учится за границей. В этом году он должен закончить учёбу и возглавить филиалы в Москве. Я стараюсь не думать о том, что жизнь без него невыносима, тем более что он прилетает ко мне по первому моему зову, бросая всё на свете, потакая моим прихотям.

– Ну что, Золотинка, по твоему сияющему виду можно сделать вывод, что всё именно так, как ты и мечтала? – спросил он.

– Кай, здесь просто потрясюще! – мечтательно вздохнула я и потянулась, отчего материя на моей немаленькой для моего возраста груди натянулась, притягивая взгляды мужской половины ресторана.

– Злата, тише. Или ты хочешь, чтобы в первый же вечер мне пришлось махать кулаками, защищая твою добродетель? – прищурил свои грозные глаза, скользя по моей груди.

– А может, я именно этого и хочу? – вызывающе вскидывая одну бровь, обронила я.

Брат тихонько рассмеялся, перегнулся через стол и заправил локон мне за ухо.

– Ну, если ты хочешь, я готов ими махать, сколько потребуется, чтобы моя любимая сестрёнка потешила своё огромное золотое эго!

Улыбка растянула мои губы, ведь невозможно устоять перед его обаянием.

– Нет уж, дорогой братец, именно ты, и только ты, тешил, ласкал и растил моё огромное золотое эго! Пожинай, что посеял! Вот! – засмеялась я, тряхнув пышной золотой гривой, вновь притягивая к себе взгляды загорелых, холёных мужчин.

Позже к нам присоединился отец. На протяжении всего сказочного вечера мы подшучивали друг над другом и смеялись до слёз. Ночь окутала нас тёмным бархатным покрывалом, зажигая на небе алмазные звёзды. Это был последний вечер мира и гармонии в моей душе, потому что уже завтра я пойму, что мой брат способен дарить грозовой взгляд не только мне, и жгучая и едкая ревность, поселившаяся в моей душе, имеет иной оттенок, и с сестринской любовью не имеет ничего общего.

Завтра моя жизнь разделится на «До» и «После», и с этого дня моя жизнь наполнится болью, слезами и чувством неразделённой, извращённой любви к собственному брату. Завтра я увижу в его глазах растерянность, злость и впервые в своей жизни ненависть в любимом.

Глава 2

Злата

Утром, едва солнце показалось над лазурными водами моря, я поспешила в номер к своему брату. Ворвавшись внутрь, я обнаружила, что комната пуста, и уже хотела отправиться на его поиски, как услышала шум льющейся воды и гортанный мужской стон.

Это был тот случай, когда действия опережают мысли. Не раздумывая, я ворвалась в ванную и замерла от увиденной картины. Широкая загорелая спина моего брата, под струями горячей воды, и наполненная паром душевая кабина – все это запечатлелось в моем сознании. Вид наполовину скрытой темной головы, запрокинутой в экстазе, и характерные движения рук заставили мое лоно странным и непривычным образом задрожать и вспыхнуть.

Нет, я, конечно, не ханжа и прекрасно понимала, чем занимается мой брат. Но то, что происходило со мной, не поддавалось моему внутреннему анализу. Я стояла, словно приросшая к полу, и продолжала смотреть на Кая, ощущая ураган эмоций, стремительно кружащий в моем теле.

Где-то под кожей возник рой мурашек и рассыпался по всему телу, воспламеняя плоть и будоража кровь. Словно почувствовав мое присутствие, Кай повернул запрокинутую голову, и этого томительного и полного эйфории взгляда мне уже не забыть. Именно его я потом положу в копилку памяти, буду доставать и лелеять в самые тяжелые моменты моей жизни.

Кай выскочил из кабины, хватая полотенце, и не стесняясь в выражениях. А я бессознательно пялилась на его внушительный мужской орган в состоянии эрекции.

– Злата, черт возьми, ты уже не можешь врваться ко мне в комнату, и тем более в ванную, по банальной причине: ты уже не маленькая детка, и я тем более... – начал он.

– Да все верно, Кай, мы уже не дети... – перебила я злого как черт брата, продолжая смотреть на его огромный член, торчащий под полотенцем. – Мне, наверное, надо извиниться... Прости. – прочистив горло, выдавила я из себя.

Учащенное дыхание не укрылось от Кая, и его темный стальной взгляд устремился на мой рот, затем на грудь, с твердыми сосками, рождающими острый дискомфорт от соприкосновения с тканью.

Снова выругавшись, брат отвернулся от моего пытливого взгляда и ошарашенного вида. Видимо сразу решив объясниться, дабы избежать неловкости в общении, Кай, противореча сам себе, словно маленькой девочке, стал разъяснять:

– Злата, я понимаю, как это выглядит, но я не намерен перед тобой оправдываться!

– Я не настолько глупа или мала, чтобы не понимать причину твоих действий, Кай. Мы живем в век интернета и прогрессирующего времени, и для меня не тайна, что мужчины могут снимать подобными занятиями, ммм... напряжение.

– Вот как? Ну надеюсь вопрос о входе без стука тоже решен? – оборачиваясь, спрашивает он. А сам взглядом снова цепляется за ноющую грудь и соски, торчащие из-под легкого шифонового сарафана.

– Прости еще раз! Я пришла позвать тебя на пляж, – наконец, вспомнила я зачем сюда пришла.

– Конечно, беги, собирайся, после завтрака сразу отправимся на пляж, – обронил он, пряча взгляд, опуская голову, проверяя, насколько много я успела рассмотреть.

Я покинула номер брата, но завтрак решила пропустить. Сейчас еда меня волновала меньше всего. Войдя в свой номер, я опустила в кресло и прикрыла глаза. Восстановила все в своем воображении и долго упивалась им, смакуя и пробуя на вкус свои ощущения. Между

ног все пульсировало и пылало, я невольно скользнула туда пальчиком, поглаживая влажные лепестки сквозь тонкий шелк мокрых трусиков. Острое наслаждение пронзило меня, принося облегчение и радость.

Сейчас я представляла, ругая себя за такие мысли, что это его руки гладят и ласкают меня... потом руки сменяют губы, и наконец член, который вознесет меня на вершину страсти, и подарит первый в жизни оргазм. Едва представила его член, и вот он настиг меня, ослепляя и оглушая, вырывая стоны и всхлипы, растекаясь огненной лавой в молодом девичьем теле.

Глава 3

Злата

Я лежала на шезлонге, наслаждаясь ласковыми солнечными лучами, лениво перебирая пальцами белый теплый песок и ожидая, когда появится Кай. Тело было расслаблено, и мне хотелось поскорее окунуться в лазурную теплую воду.

Заметив брата, я встала ему навстречу, не сразу обратив внимание на девушку рядом с ним. Она шла с царственной статью, уверенно держа его за руку, а ее жгучие черные волосы развевались на ветру.

Как только они приблизились, Кай сел рядом на шезлонг и с улыбкой потрепал мои волосы:

– Золотинка, не забывай о коварстве чужеземного солнца. Я уже предвижу, как ты будешь ныть из-за обгоревшего красного носика и всего остального.

Взяв спрей для защиты от солнца, он разбрызгал его по моим плечам и спине, а затем начал легкими массирующими движениями втирать в кожу. Он делал так десятки раз, но в этот раз я отчетливо почувствовала шероховатость его ладоней и особую мягкость прикосновений. Сосредоточившись на своих ощущениях, я едва не забыла о спутнице Кая, которая стояла за нашими головами и с интересом меня разглядывала.

– Злата, я хочу тебя познакомить с Вероникой. Мы живем в одном городе и случайно встретились здесь. Ты знакома с ее сестрой, Викторией. Кажется, вы вместе посещаете бассейн.

– Не знала, что у Викторией есть сестра. Она ничего мне не рассказывала о тебе. – Мне хотелось повести плечом, чтобы избавиться от настойчивого взгляда Вероники. Эти холодные голубые глаза смотрели с каким-то цинизмом и враждебностью.

– Мы не родные, – проговорила она, откашлявшись, – и, честно говоря, не особо ладим.

Не зная, как ответить, я промолчала, а брат поднялся, стянув через голову светлую футболку. Его совершенное накаченное тело привлекло внимание не только нас, но и смуглых стройных девушек неподалеку.

– Ну что ж, пора освежиться, девочки! Лазурные воды так и манят окунуться в соленые глубины! – И с разбегу он помчался к воде, скрывшись в волнах и рассеивая вокруг себя брызги.

Вероника сняла сарафан, демонстрируя ядовито-зеленое бикини и стройную фигурку, и мягкой походкой направилась к воде. Мое настроение почему-то испортилось, и купаться расхотелось. Спрятавшись под зонтом и нацепив солнцезащитные очки, я не могла оторвать взгляд от этой парочки, резвящейся в воде. Кай нырял, смеялся и дурачился, то и дело махая мне рукой, приглашая присоединиться. Каждый раз я отвечала ему отрицательным кивком, растягивая губы в фальшивой улыбке, натываясь на высокомерный взгляд наглой Вероники.

Глаза за темными стеклами жгло от непролитых слез, и мне до жути хотелось расплакаться, как маленькой девочке, ревнующей свои игрушки. Я не могла вынести того факта, что брат сосредоточил свое внимание на ком-то другом. Мне хотелось вцепиться в красивое чужое лицо ногтями и стереть эту ее снисходительную наглую улыбочку. Вконец расстроившись, я поднялась и направилась к себе в номер, решив там все хорошенько обдумать и проанализировать.

Самоанализ – это мое излюбленное развлечение с самого раннего детства. Часто лежа без сна, я разбирала по полочкам то или иное событие и свою реакцию на него. Отнимала зерна от плевел, гадая, как бы мама поступила бы, будь она на моем месте. Наша мама умерла, рожая

меня, поэтому я видела ее только на фотографиях. Я не похожа на нее, в отличие от Кая. У брата такая же улыбка и глаза как у нее – глубокие серые с темной радужкой.

Пробыв в номере до вечера, я спустилась к ужину, наконец, успокоившись и вернув себе прежнее самообладание. За столиком уже расположились отец, порядком захмелевший, брат и неизменная Вероника.

Брат поднялся, встречая меня, отодвинул стул и слегка наклонился, приветствуя поцелуем. Губы скользнули по щеке, задевая уголок рта. Я вздрогнула, не поднимая глаз, уставившись неотрывно в область груди, боясь взглянуть ему в лицо.

Устроившись за столом, я поймала ненавистный взгляд Вероники. От него веяло такой враждебностью, что я подсознательно поежилась. Отец впервые предложил мне вина, и я не отказалась, в надежде унять дрожь пальцев и восстановить дыхание. Вино оказалось необычайно приятным на вкус, и я уделяла ему больше внимания чем еде, ловя недовольный взгляд брата.

Зал ресторана потихоньку заполнялся, музыканты взялись за инструменты, и в воздухе разлилась музыка, наполняя его страстью и томительным ожиданием, пробирая до самого дна человеческой души жгучим тандемом скрипки и губной гармошки.

– Кай, дорогой, невозможно побывать на экзотическом острове и не потанцевать под традиционную музыку местного народа. – Поднялась Вероника и потянула брата за руку. Он поднялся и повел ее в центр танцпола, где уже медленно кружились несколько пар.

– Злата, она права, местная скрипка – это нечто. Прошу, моя милая. – Не оставляя мне выбора, отец потянул за руку вслед за братом.

Признаться, я не особенно хотела танцевать, все еще оглушенная враждебной аурой, исходящей от девушки. Словно, я совершила нечто такое, за что меня стоит так ненавидеть.

Кружась с отцом в танце и рассеянно слушая его речь, я кивала и поддакивала, изо всех сил пытаясь вести неинтересный мне диалог, цепляясь взглядом за улыбку, озарившую лицо брата. С этого ракурса мне был виден четкий мужской профиль и ямочка на щеке. А также темные загорелые руки, наглаживающие голую спину в вырезе легкого сарафана.

Мысли понеслись вскачь, а грудь сжало словно тисками. Почувствовав влагу собравшуюся в глазах, я заморгала, пытаясь ее прогнать. Не хватало еще разреветься прилюдно, как маленькой девочке. Вздохнув несколько раз глубоко, и кинув украдкой взгляд на брата, едва не задохнулась. Он выглядел так, словно хотел убить кого-то и неотрывно следил за нами, сжав огромные кулаки за спиной у Вероники.

У меня екнуло в сердце, и я лихорадочно завертела головой по сторонам силясь найти причину перемены в лице Кая. Еще раз проследив за его взглядом, я уверилась в том, что смотрит он на отца. И только потом я почувствовала руки, блуждающие по моей такой же открытой голой спине. Сердце ухнуло в пятки, и разлетелось там на атомы. Не так должны они держать родную дочь, не с такой интимностью и придыханием. Не сразу поняла, что стою намертво, не двигаясь и смотрю в лицо отцу. Полузакрытые веками глаза и снисходительная улыбка на лице, и дыхание, сбившееся, опаляющее мою щеку алкогольными парами.

– Детка, ты в порядке? – всего мгновенье и выражение меняется, и вот уже рука легонько надавливает на спину, направляет меня к столу.

– Да... Да, все в норме, пап. – Решаю, что отец просто перебрал, или представил на моем месте кого-то другого. Иначе просто быть не может. И не мудрено, столько работать двадцать четыре часа в сутки. Я даже не знаю, есть ли у него личная жизнь. Сколько помню себя, он занят до неприличия, совершенно не интересуясь детьми, и тем, чем мы живем. Всегда с самого детства Кай заменял мне отца и мать, беседовал со мной на всякие девчачьи темы, был поддержкой и опорой.

– Еще вина, детка? – Я киваю, и он наполняет мой опустевший бокал. Как только я беру его, темная сильная ладонь перехватывает его и отбирает.

– По-моему, ей уже хватит. – Жестом подзывает официанта и заказывает вишневый сок. Затем переводит взгляд на отца и долго смотрит ему в глаза, сдерживая свое бешенство. Отец отводит первым глаза, поднимается, и целует меня в макушку.

– Все молодежь, я к себе. Что-то я сегодня перебрал, малость. Златуля, не задерживайся.

– Хорошо, папочка. Я тоже скоро поднимусь.

Глава 4

Злата

Вечером, мучаясь от бессонницы я решила немного развлечься. Я надела легкий сарафан, взяла телефон и зашла в инстаграм, чтобы поделиться фотографиями с братом, которые мы сделали на яхте в первый день, и в ресторане.

Мои фотографии мгновенно собрали множество лайков, а одноклассницы засыпали меня комментариями. Я улыбнулась и отложила телефон. После ужина с вином во рту было сухо, и я решила выпить ледяной воды, чтобы освежиться. Набрал воды в баре, я вышла на балкон.

Луна заливала своим серебристым сиянием гладкую поверхность моря, и лунная дорожка убегала вдаль, теряясь на горизонте. Теплый ветерок ласкал мое лицо, и я полной грудью вдыхала соленый морской воздух.

Внезапно до моих ушей донеслись стоны и всхлипы, которые заставили волосы на моей голове шевелиться. Я знала, что это доносится из комнаты моего брата, которая находится рядом с моей. Наш балкон был общим, отгороженным лишь узорчатой мраморной перегородкой. Я замерла, обратившись вся в слух, и поняла, чем он там занимается.

Стоны перешли в крики, и мне оставалось только догадываться о происходящем, учитывая утренний инцидент. «Еще, сильнее... Аааа» – доносилось до меня, словно эта женщина знала, что я стою здесь и глотаю слезы. Ревность острыми когтями впилась в мое сердце и принялась рвать его на части.

Стакан с громким звоном выпал из моей ослабшей руки и разлетелся на осколки. Я даже не пошевелилась. Не смогла. Так и простояла там, пока эта женщина с визгом не кончила, оглашая своим оргазмом всю гостиницу.

Пошатываясь, я вошла в номер и побрела к бару. В дорогих гостиницах всегда есть огромный ассортимент для клиентов: в баре – множество разновидностей алкоголя, а в маленьком холодильнике – всякие вкуснятины.

Достав коньяк, я налила себе полстакана и залпом опрокинула его в себя, не чувствуя вкуса. Алкоголь опустился в желудок, обдавая жаром, полыхнувшим в крови.

Посидев немного, я решительно вышла из номера. Покинув гостиницу, я вышла на пляж и села на берегу, позволяя мягким теплым волнам омыwać мои голые ноги. В голове гудело и плыло, ведь это было мое первое знакомство с крепкими напитками. Меня била крупная дрожь, несмотря на духоту летнего вечера. В ушах стоял не шум прибоя, а противные визги, которые, казалось, долетают и сюда, до кромки теплого моря и золотого песка, потерявших свои краски под покровом жаркой ночи.

Алкоголь прожигал кровь и пеленой застилал воспаленное сознание. Тело покрылось липким потом. Я сама себе казалась грязной и ненужной никому на свете. Одним движением сбросив легкий шифон, я скользнула в мягкие обволакивающие волны совершенно обнаженной. Вода казалась черной, но такой ласковой и приятной.

Проплыв довольно далеко от берега, я расслабилась и полежала на воде, рассматривая огромные алмазы звезд. Даже небо здесь, на райских островах, выглядело иначе. Темно-синий бархат и сверкающие звезды. Передохнув, я направилась к берегу.

Внезапный всплеск с берега испугал меня до ужаса. Хотелось закричать во все горло. Только сейчас меня оглушила вся глупость моей затеи – одна ночью на пустынном пляже. Я бросилась, захлебываясь в другую сторону. От ужаса ноги налились чугуном, а руки отказывались слушаться.

Крик застрял где-то в горле, когда сильные руки сомкнулись на моем теле и потянули на себя. Еще не сморгнув соль моря, я узнала эти руки по прикосновению и запаху тела, слегка разбавленного морем, но их обладателя мне сейчас просто невыносимо видеть, что я и сделала, крепко зажмурившись.

– Видит Бог, Злата, я готов тебя утопить! Где твои мозги, черт возьми!

Отворачиваясь и продолжая вырываться из крепкого захвата, я скользила обнаженным телом по гладкому мужскому торсу.

– Успокойся, малыш, это я. Твой Кай. Ну же, девочка, прекращай.

Подтягивая меня к себе еще ближе, он обнял меня, и я обмякла в его сильных руках. Отчетливо ощущала нашу близость и чужой аромат духов на его лице. Руки переместились на бедра, затем на ягодицы и сжали их, вырывая судорожный вздох из моих распахнутых губ.

Кай прижался лбом к моему лбу, и наше дыхание смешалось, безумное, одно на двоих. Волосы плавали вокруг нас, оседая на его руках. Повернув меня к себе лицом, он замер на полуслове, пытливо вгрызаясь взглядом в мое тело. Словно только сейчас осознал нашу близость во всех ее смыслах. Его темные глаза не сводили взгляда с моей груди и торчащих вверх розовых сосков. Губы сжались в тонкую линию, а сердце билось так же отчаянно, как мое собственное.

Вдали от берега, одни в темных морских водах, и серебряных бликах огромной луны, изогнувшей губы в ироничном оскале, дрожащие руки накрывают мою грудь, вырывая громкий стон прямо в открытый рот Каю. Еще мгновение, и я сама накрываю его губы своим ртом. Сначала он не отвечает, затем, обхватив мое лицо тисками, впивается жадно, сладко в мои губы. Меня никто еще не целовал, и осознание того, что это он впервые к ним прикоснулся, дурманит сильнее самого крепкого алкоголя.

Ногами обвиваю его тело и выгибаюсь навстречу жадным губам, опалая кожу обнаженной плотью. Я чувствую его язык глубоко в горле, он готов проглотить меня, и в мягком шелесте волн я отчетливо слышу рванные хриплые стоны, которые исторгает мой рот. Внизу живота настоящее торнадо, тянет сладкой мучительной болью, заставляя яростно тереться и насаживаться на горячие пальцы, хозяйничающие в раскрытых лепестках и доставляющие райское наслаждение.

С трудом оторвав мое раскаленное тело от себя, он обеими ладонями растирает лицо, а затем с яростным криком ударяет изо всех сил по воде, поднимая вверх ворох брызг, и приводя тем самым меня в чувство. Грудь бурно вздымается над водой, наше шумное дыхание и дуэль взглядов. Я также прямо смотрю ему в глаза, пытаюсь выровнять и успокоить свои инстинкты.

– Прости меня, сестра, – делаю я акцент на последнем слове, прекрасно зная, что это мне нужно просить извинения. – Не знаю, что на меня нашло, такого больше не повторится, обещаю... Я открыла рот, чтобы высказать ему все, что думаю, но он поднял вверх руку и менторским тоном, которым часто отчитывал за плохую отметку, резко осадил мой порыв.

– Нам пора возвращаться, черт возьми, Злата, опомнись! Не проронив больше ни слова, я нырнула под воду и направилась к берегу, чувствуя брата все время рядом. Обратный путь отнял все силы. На трясущихся ногах я выбралась на берег и рухнула на мокрый песок, пытаюсь отдышаться. Кай стоял надо мной, пожирая мое хрупкое и изящное тело безумным взглядом.

Нагнулся, бережно поднял на руки и опустил со мной в воду на берегу. Отмывая с моего тела песок, он скользил широкими ладонями по раскаленной коже. Затем поднялся, вынес на теплый песок, поставил на ноги, накинул на тело сарафан, вновь подхватил и понес в гостиницу. Сильные руки, не дрогнув, донесли меня до номера, открыв дверь одной рукой и тут же захлопнув ее ногой.

Я чувствовала себя маленькой девочкой, спрятавшись на груди брата от целого мира и больше всего на свете желая, чтобы он не выпускал меня из своих рук никогда.

Кай занес меня прямиком в ванную и поставил в душевую кабину. Открыл кран, настроив горячую воду, и вошел ко мне под горячие струи. Стянул мокрый сарафан и бросил куда-то в угол. Сильные ладони принялись мыть меня как давно в детстве, только ощущения вызывали не те. Я едва не захлебнулась от боли, поняв, что именно он хотел сказать этим поступком.

Закончив с купанием, он завернул меня в огромное белое полотенце, отнес на кровать и положил поверх одеяла. Руки на мгновение задержались на талии, затем он их с поспешностью убрал, пряча взгляд за длинными темными ресницами.

Нелепость ситуации вызвала у меня истерический смех, и я не могла остановиться, вытирая слёзы. Полотенце сползло с моей груди, открывая пышную, совсем не девичью грудь. Но я даже не думала прикрываться, не после того, что произошло. Не после того, как прижималась к нему и терлась промежностью о его пылающую кожу.

Кай нахмурил свои тёмные брови и молча смотрел на меня, сжав кулаки. Он возвышался надо мной в мокрых шортах. Устало опустившись на кровать, он закрыл мне рот широкой ладонью, прерывая истерический смех. Его близость снова всколыхнула во мне водоворот чувств, которые тут же перекинулись на него. Взгляд скользнул на затвердевшие от его близости соски, дыхание участилось, и я блаженно прикрыла глаза, лизнув его ладонь.

Резко поднявшись, я забралась к нему на колени, обвив ногами талию, ошеломив нас обоих. Мы смотрели друг другу в глаза, в которых плескался дикий голод, страсть и ещё какое-то чувство, не поддающееся описанию. Ещё не коснувшись его, я уже ощущала, как страсть овладевает всем моим телом. Голые неприкрытые инстинкты брали верх над разумом, требуя целовать, пробовать его на вкус, вжимать его в себя.

Кай держал руки на кровати по обе стороны от меня, сжав их в кулаки, но меня не обманешь. Он пылал также, как и я, обжигая горячим дыханием и оглушая биением сердца. Мокрые волосы, словно шёлковое покрывало, окутывали нас, и я одним движением перекинула их на одну сторону, открывая доступ к шее.

– Поцелуй меня, Кай, – произнесла я, вздрогнув от незнакомой хриплой ноте своего голоса. Наши губы замерли в миллиметре друг от друга, он всё смотрел в глаза, и я всё увидела в его взгляде. Увидела и возликовала.

С утробным рыком он впился в мои губы, кусая, сминая и посасывая их попеременно. От такого напора низ живота прострелило возбуждением, и плоть брызнула горячим соком. Руки схватили меня за волосы и потянули вниз, заставляя максимально выгнуться, подставить под горячие губы напряжённые соски. Едва он коснулся их, как я, не сдерживая крика, сильнее прильнула к его губам.

Я не могу описать словами, что со мной творилось. Это просто запредельно, чистые ничем не прикрытые эмоции и одно единственное желание – почувствовать его там, чтобы унять этот иссушающий пожар, удовлетворить жаждущую плоть.

Миг, и я уже лежу на спине, широко раскрыв бедра. Кай уютно устроился между ними, жадно вдыхая моё дыхание, покусывая губы и рыча. В этот момент он был так прекрасен в своём безумстве, в раскалённой до предела страсти, затмившей разум. Терзая руками тяжёлую грудь, он был словно в трансе.

Я почувствовала его шелковистую поверхность, тяжело ткнувшуюся во влажные складки. Потянув его на себя, я не дала ему опомниться, ещё шире открыв себя, ловя губами глухие стоны и стеклянный взгляд. Низ живота пылал огнём, и я сделала рывок бёдрами, кусая его приоткрытый рот. Это была сумасшедшая страсть, лишаящая разума, обнажающая душу.

Крепко сжав мои руки над головой, лишив меня возможности трогать его тело, он потихоньку проталкивался внутрь лёгкими толчками. Не знаю, о какой боли нам внушают, но в

первый раз я её не почувствовала. Только дикое наслаждение, бурлящее в крови, сосредоточилось огненным комом между ног.

Я извивалась, сильнее втискивая его в себя, безумствуя от своей похоти. Когда его член полностью заполнил меня, я уже дрожала от переполнявших меня чувств, готовая вот-вот взорваться и рассыпаться в его руках. Толчки сначала медленные, затем сильнее, и всё... Я себя не помнила, кричала, срывая горло, насаживаясь на твёрдую горячую плоть. Мощный оргазм ослепил своей вспышкой, и я замерла в сильных объятьях, сжимающих стальным обручем, переживая свой первый экстаз от близости с мужчиной, вздрагивая и сокращаясь вокруг каменного члена.

Капли пота блестели на лице Кая, и безумные пылающие серые глаза, клинком поражая в самое сердце. Вкус его губ кружил голову, заставляя снова и снова пробовать их на вкус, подстраиваясь под бешеный ритм его толчков, выгибаясь им навстречу, блуждать ладонями по лицу, стирая прозрачные горячие капли. Вонзившись глубоко, он замер, содрогаясь и закатывая глаза, выплеснув своё удовольствие глубоко в моём теле, глухо застонав в мои припухшие после его натиска губы.

Я мгновенно заснула, провалившись в сладкую истому, свернувшись клубочком у тёплого мужского бока. Я не видела того страшного взгляда, которым мой брат смотрел в потолок, закусив до боли кулак. Не видела, как в душе он бил в стену, сбивая кулаки в кровь. Не видела, как намочив полотенце, он обтирал мои бёдра от крови и тихонько менял бельё. Не видела, как лежал рядом, перебирая золотистые пряди, вдыхая их аромат. Как потом, укрыв меня одеялом, на рассвете покинул комнату, долго рассматривая на пороге моего номера.

Глава 5

Кай

Я смотрел на свое отражение, и единственным чувством, которое я испытывал в тот момент, была ненависть. Я ненавидел себя уже столько лет, и сегодня моя ненависть достигла своего апогея. В своем воспаленном воображении я даже не смел думать о том, чтобы решиться на такое. И тут же цинично усмехаюсь своим мыслям. Вру. Думал, и не раз. Постоянно думал, и в конце концов решил убраться и больше не видеть ее. Но далеко не смог.

С тех пор как увидел его ночью у ее двери с внушительным стояком, ясность его намерений была более чем очевидна. Куда сын, туда и отец. Я держался, наказывая себя за подобные мысли и ненавидя себя с каждым днем все сильнее. И его заодно.

Впервые это чувство настигло меня, когда мне было двенадцать, а ей семь. Мы подглядывали за старой женщиной, которую считали в округе ведьмой, спрятавшись за старым сараем, служившим в лучшие времена хозяевам в качестве конюшни. Он был настолько дряхлым, что нам приходилось почти лежать друг на друге, чтобы остаться незамеченными. От неудобного положения сестра то и дело ерзала подо мной, опалая щеку горячим дыханием и шепотом требуя вести отчет об увиденном. К слову сказать, ничем особенным старуха не занималась, кроме как отрубила голову старому линялому петуху. Последний факт ее сильно расстроил, и она спрятала свое лицо у меня на шее, переместив горячее дыхание прямоком в ухо. Пытаясь успокоить девочку, я погладил тоненькую спинку своей уже широкой ладонью. Внезапно она повернулась и скользнула яркими губами по моим.

Прошло столько лет, а я всё помню: аромат и вкус ее губ. Этот аромат будет преследовать меня всю жизнь, он станет глотком надежды для меня и оплотом для моего воспаленного измученного воображения. В тот день после случайного соприкосновения наших губ, едва взглянув в ее глаза, я понял, что не просто коснулись друг друга чьи-то губы, в тот день произошло соприкосновение двух душ. Они коснулись друг друга и поняли, что назад пути нет, а впереди только ужас нашего сосуществования.

Она смотрела в мои глаза ясным изумрудным взглядом и ни капли не смутилась, в отличие от меня. Когда она схватила меня за волосы с силой, не присущей для девочки ее возраста, дернув назад, и сама нашла мои губы, мой разум рассыпался на атомы, а сердце, казалось, выскочит из груди. Оно стучало так сильно и отчаянно, что его, наверное, слышала даже старая ведьма, бродившая по своему двору и помешивающая какое-то варево в котелке, висевшем на костре.

С тех пор я избегал сестру, но она была не из робкого десятка. Всегда ходила следом и ни капли не стеснялась. Впрочем, тот случай, наверное, вскоре забылся для нее. Она вновь стала сама собой, а мне уже не было обратной дороги. Каждый божий день я вспоминал ее губы и преследовавший меня по сей день вкус земляники и солнца.

Годы учебы несколько охладили мой пыл, а девушки усмирили мою жаждущую плоть. Хоть я срывался по первому ее зову, мчась на всех парах к ней, едва ли не соскакивая с женщин, лежавших подо мной. Едва услышав ее грустный и расстроенный голос, перед глазами сразу же возникала картина: стоявший отец под Златиной дверью. И я бросал всё и летел к моей девочке. Даже на этот гребаный остров не смог отпустить ее с ним одну.

Большим сюрпризом стало присутствие Веронике на Кайманах. Она, как я думал, будет тем самым якорем, держащим меня подальше от Златы. Вот только если моя девочка что-то для себя решила, ее не остановить даже бульдозером. Я едва не кончил от выражения ее лица, когда она смотрела на меня своим взглядом, тем самым, проникающим под кожу и заставля-

ющим мое сердце набатом отдавать в ушах, а кровь пылать и прожигать насквозь вены. Она пробралась в мою ванную и смотрела на меня, прожигая зеленым огнем своих удивительных глаз. Нужно ли говорить, что в такие моменты лишь ее образ помогал снять напряжение, а увидев ее рядом, едва не рухнул на мокрый пол.

А когда, увидев ее с балкона своего номера, одну, обнаженную входящую в темное ночное море, я просто обезумел от страха за нее. Я выскочил из номера и бросился к ней, умирая от ужаса, ведь ночное море таит в себе много опасностей. Настигнув ее в воде, я был зол и готов собственноручно утопить строптивую девчонку, но едва руки коснулись обнаженной кожи, а аромат земляники окутал меня, я понял, что пропал. Разум отказывался подавать признаки жизни, а мощное желание смело всё на своем пути. Напрасно я твердил себе, что это запрещено и нельзя, руки уже сжимали тонкую талию, а губы терзали в надежде насытиться. Огромным усилием воли я оторвался от нее. Это было подобно самоубийству. Вырвать себе сердце на живую, отодрать ее от себя. Как она была прекрасна в тот момент, растерянная, мокрая и безумно красивая.

Потом то, что произошло дальше, раздавило меня, перемолото и выплюнуло. У меня было сотни женщин, только с ней сорвало крышу. Только она перевернула мой мир вновь, уже в который раз, сожгла внутри всё и воскресила своим безумным взглядом в порыве страстного пароксизма. С ней я прошел семь кругов страсти, сам Данте позавидовал бы мне, так как потом возвращался я по адовым кругам.

Когда осознание настигло меня, я разнес в щепки весь номер. Смотрел на свои грязные руки и проклинал сам себя за свою несдержанность. Хотя рано или поздно это должно было случиться. Слишком велика одержимость ею. Она растет день ото дня, принимая разные формы, всё развратнее в моем больном воображении. Я часто спрашивал себя: «За что?» и не находил ответа. Мать бы в гробу перевернулась, если бы узнала. Когда-то воспоминания о ней вызывали во мне боль и горечь, сегодня только улыбку. Иногда я радуюсь, что она не дожила до этого дня и ей не стыдно за своего горячо любимого сына. Может, я пошел в отца? Тогда бы я понял и принял тот факт, что это у нас семейная болезнь.

У меня дрожали пальцы, и я сжал их с такой силой, что они противно захрустели. Солнце медленно поднималось над водной гладью, багровые блики лениво ползли по горизонту, а я смотрел воспаленными глазами и ждал того момента, когда она откроет свои цвета мокрой зелени глаза и посмотрит в мои. Я не знал, что скажу. Не зная, как теперь себя вести. Первым порывом было сбежать. Его я сразу отменил. Неизвестно, как этим воспользуется отец, тогда мне придется его убить. Этот факт хладнокровно мелькнул в моей голове, не вызывая внутреннего противостояния. Но как-то разруливать ситуацию надо. Решение пришло само собой. Надеюсь, моего терпения и выдержки хватит.

Глава 6

Злата

Солнечные лучи, пробиваясь сквозь шторы, ослепляли меня, словно раскалённая лавина. Я проснулась, почувствовав, как меня охватывает жар. Перекатившись на другую сторону кровати, я села, наслаждаясь лучами. День уже в разгаре, и кондиционер был выключен. На моём обнажённом теле блестели капли пота.

События вчерашнего дня нахлынули на меня, как лавина, и я мечтательно потянулась, улыбаясь. Я не испытывала горя от потери девственности. В моём возрасте секс уже не кажется чем-то из ряда фантастики, а для девочки, живущей в наше время, это вполне обычное явление.

Как можно горевать, когда вчера всё казалось настолько правильным и верным, что в душе поднималась волна безумной эйфории? Сама природа и женская суть диктовали мне свои желания, требуя немедленного удовлетворения. Этот свой первый раз я не забуду никогда. Даже моя буйная фантазия не могла представить, что всё будет настолько прекрасно. Впервые во мне проснулось то, что заложено в каждой женщине с рождения – чувственность и страсть.

И как же так получилось, что разбудил её человек, который должен вызывать совсем другие чувства? Разве такое возможно? Когда я вдруг осознала, что смотрю на него не по-братски? Когда поняла, что его губы, складывающиеся в улыбку, чувственные и красивые? Когда в его глазах я искала все признаки симпатии или даже любви? Когда вдыхала его умопомрачительный аромат, и моё сердце замирало в груди...

Я задумалась. Это произошло очень давно. Так давно, что я уже и не помню, но это чувство всегда было со мной. Когда он был рядом, моё девичье тело трепетало, но я не могла понять себя. Вчера я отдалась инстинктам, и они привели меня к сегодняшнему открытию.

Только что будет дальше? Хорошее настроение сразу пропало. Вспомнилось, что вчера он спал с Вероникой. О, Господи! Как всё закрутилось! Как теперь в глаза посмотреть ему? Это я! Я на него набросилась, я не дала ему выхода, и ему пришлось сделать это! Я стонала так громко, что охрипла, вцепилась в него мёртвой хваткой, боясь, что он вдруг отстранится или уйдёт. Мне хотелось закричать: «Почему? За что?», но я лишь обессилено шептала, сгорая от стыда за своё поведение.

Наверное, сейчас я выглядела очень жалко, сидя на огромной кровати в огромном номере, дрожа от стыда и испуга. Я боялась выйти из номера до самого вечера. Решив, что больше тянуть нельзя, я оделась в длинный шифоновый сарафан и, трижды глубоко вздохнув, поплелась вниз.

Наш столик уже привычно сервирован для ужина, за ним уже находился отец, как всегда, разговаривающий по телефону. Вероника сидела напротив, и лишь Кай ходил из угла в угол, то и дело раздражённо проводя рукой по короткому ёжику. Я постояла немного, наблюдая за ним, и пошла к столу. Едва он меня увидел, остановился, впиваясь взглядом в моё лицо. Посмотреть ему в глаза я не решалась.

Отец поприветствовал меня жестом, не прекращая разговора, а Вероника пригвоздила взглядом. Я боялась смотреть и на неё тоже, поэтому, когда подошёл Кай и поинтересовался, всё ли в порядке, я чуть истерично не заголосила. Конечно, не в порядке!

Ужин прошёл в гробовом молчании, так как отец вышел из-за стола обсудить важный вопрос. В ресторане было как-то тихо и напряжённо. Местный диалект звучал тревожно и еле слышно. Я ела механически, не чувствуя вкуса, борясь с желанием вскочить и броситься отсюда

как можно дальше. Слезы наворачивались на глаза, и столовые приборы расплывались передо мной. Наконец, не выдержав давящей атмосферы, я встала, извинилась и поспешила к берегу.

Не пройдя и десяти шагов, сильная рука развернула меня, и я встретилась с тяжёлым грозным взглядом. Он молча смотрел на меня, и я не находила слов. Длинные волосы легонько трепал ветерок, закидывая пряди на глаза. Кай осторожно убрал их за ухо. Он делал так тысячи раз, но сегодня, после случившегося, нас обоих прострелило от его прикосновения. Отдернув руку, Кай, тяжело вздохнув, снова провёл по волосам.

– Детка, мы должны поговорить. Пошли, прогуляемся. Увлекая за собой, он придерживал меня горячей ладонью. Она прожигала дыру на моей коже, отчего я шагала вытянутая, как струна.

Мы отошли уже достаточно далеко, когда Кай присел на ещё не остывший за день тёплый песок, не торопясь начать разговор. Я так же пристроилась рядом, на ширине вытянутой руки. Луна ярко освещала всё вокруг, убегая к горизонту серебристой дорожкой по водной глади. Было что-то мистическое в дикой природе чужого края.

– Надеюсь, тебе не надо объяснять, что мы поступили очень плохо, Злата. Я даже не знаю, как это произошло, но прошу меня простить, девочка. Проговорил он тяжёлым тихим голосом, не поднимая головы. Я ожидала этого, но всё равно вздрогнула от его слов. Одинокая слеза предательски поползла вниз, сердце болезненно замерло. Я только что умерла. Его слова оглушили меня настолько, что последующих я просто не услышала. Кажется, он сказал, что был пьян. Наверное, он бы удивился, если бы я сказала, что тоже.

– Злата, не молчи! Он повернулся и посмотрел на меня. Я не смела поднять глаза. Ведь если он увидит мои слёзы, мне будет ещё больнее. Потом вдруг разозлилась сама на себя. А чего ты ожидала, идиотка? Конечно, он придавлен гнетом ответственности за меня, а тут такое. И не важно, что я сама хотела, он винит себя. Сегодня пусть будет так, а что дальше, я подумаю об этом завтра, как сказала знаменитая Скарлетт Охара.

Сморгнув слёзы, я подняла голову и твёрдо встретила его взгляд. Внутри что-то оборвалось, а сердце билось с такой силой, что причиняло тупую боль. Минуту мы смотрели друг на друга, каждый пытался проникнуть под маску другого взглядом, отыскать там то нужное, что станет для нас спасением.

– Ты прав, – медленно произнесла я. – Я не знаю, как это произошло, ты тоже прости меня. Он облегчённо вздохнул, а я снова замерла.

– Я не хочу, чтобы ты себя винила, Злата.

– Я не виню никого. Мне было хорошо, Кай. Кай вздрогнул и шумно сглотнул. Взгляд замер на моих губах и потемнел. Я облизнула пересохшие губы, чувствуя, как намокли трусики от нарастающего томления внизу. Я непроизвольно сжала ноги, и Кай заметил моё движение, снова шумно вздохнув.

– Ты должна забыть всё, что было. Нам нельзя, ты понимаешь, нельзя было. Срывающимся голосом, а руки уже тянут меня к себе. Глаза безумно шарят по лицу, губы ловят мой вздох.

– А если нет, тогда что, Кай?

– Тогда помоги нам, Господи, Злата! Ты же должна быть благоразумна! Бешеный пульс, и время замерло для нас. В этом мгновении для нас никого не существовало. Только его глаза, в которых хаос чувств, и его дрожащие руки, с силой сдавливающие мою голову двумя руками. Большие пальцы очерчивают мой рот, снова и снова, как заведенные, наглаживая их, не решаясь действовать дальше.

– Хорошо, Кай. Только выполни мою последнюю просьбу. Шепчу ему в губы. – Поцелуй меня. Два простых слова раскалённой лавой повисли между нами. В его глазах прочитала ответ. Прикрыв глаза, и растаяла от нежности прикосновения его губ. Так бывает, когда две половины одного целого наконец-то соединяются. Два сердца в унисон вздрагивают и зами-

рают, чтобы потом забиться с утроенной силой, неся по венам бешеную эйфорию чувств. Нежность обращается в страсть, губы уже впиваются, стараясь выпить как можно больше, руки успевают везде, а в ушах надрывные стоны, не сразу понимаю, что исторгаю их сама, купаясь в острейшем наслаждении.

Где-то неподалёку раздаётся мужской смех шумной компании, и мы возвращаемся в реальность. Судорожно хватая

Раскрытым ртом я жадно вдыхаю раскалённый воздух, пытаюсь восстановить дыхание. Кай помогает мне подняться на ноги, поправляет волосы и оправившееся платье.

– Прости, – говорит он, – мы снова были близки к тому, чтобы совершить непоправимое. Меня это очень пугает.

– Кай, – поворачиваюсь я к нему, беру за руку и нежно целую её. – Я понимаю, что это неправильно, но наше притяжение сильнее нас обоих. Давай просто подумаем...

Но его резкий жест заставляет меня замолчать.

– Злата, – произносит он с болью в голосе, – ты, наверное, не расслышала меня? Не о чем тут думать, и точка! Завтра мы возвращаемся домой, а я уезжаю в Лондон на стажировку. Ты просто не представляешь, что может произойти, если кто-нибудь узнает о нас. Это будет конец твоей репутации. Пусть между нами нет кровной связи, но в глазах общества мы брат и сестра, а значит, это инцест. Его никогда не признает общество, и ты станешь изгоем везде. Этот груз невозможно нести всю жизнь!

– Сколько тебе лет? – продолжает он. – Это тоже важно, потому что, если кто-то узнает, мы сможем видеться только при передачах, в специальном заведении, куда отправляют таких, как я. И, кроме того, это твоё первое увлечение. Возможно, завтра у тебя появится какой-нибудь юноша твоего возраста, и ты забудешь обо всём. Так что одумайся, Злата!

Его слова причиняют мне невыносимую боль. Он ни разу не сказал о своих чувствах, и это заставляет меня думать, что я ему безразлична. Гордо вскинув дрожащий подбородок, я расправляю плечи и произношу срывающимся голосом:

– Возможно, ты и прав, Кай! Какие мои годы? А вдруг завтра я встречу того единственного, кто не откажется от меня при первой же трудности? И... Я... Словом, никто об этом не узнает.

Резко развернувшись, я ухожу, хлестнув его волосами, и быстрым шагом направляюсь к отелю, оставляя его на берегу. В номере, дав волю своим чувствам, я плачу до тех пор, пока не засыпаю.

На следующий день мы покидаем остров. Сказка закончилась, не успев начаться. Я спускаюсь к морю, чтобы попрощаться и оставить у воды свои печали и неудачи. Глядя вдаль, я размышляю о любви. Мне трудно было ответить самой себе, что это за зверь такой. Я лишь знаю, что она идёт рука об руку с болью.

Но я ни в коем случае не сдаюсь. Тогда я надеялась, что Кай не отступится от меня, ведь то, что зародилось между нами намного сильнее нас. Как наивна я была тогда! Если бы я хоть представляла, через какой ад он меня протащит, я бы сбросила его со своего пьедестала, вырвала из сердца с мясом, спасла бы себя.

Не зря говорят, если бы да кабы... У каждого своя судьба, своя дорога, по которой нам предстоит пройти. Я шла по своей, гордо подняв голову, пока чудовищная правда не перевернула мой мир.

Гл

ава 7

Злата

Кай сказал правду. Он улетел в Лондон и больше не спешил возвращаться в отчий дом. Я продолжала жить. Было очень тяжело заглушить в своей душе ростки любви, которые, несмотря ни на что, тянулись на свет сквозь все обиды и отчаяние.

В какой-то момент я пыталась заставить себя забыть всё. Как мантру, я ежедневно повторяла, какой он подлец и трус. Но сердце в ответ вопило: «Не-е-ет, Златочка, не ври себе!» Я перестала противиться этому чувству, но стало ещё хуже.

Ежедневно я механически поднималась утром с постели, быстро завтракала и шла в школу. После бассейна возвращалась домой. И так по замкнутому кругу. Несмотря ни на что, я его ждала. Очень. Но не смела звонить и говорить об этом. Сначала во мне говорила гордость, потом злость, а после одолевшая меня апатия. Если он не звонит, значит, ему это не нужно.

Подруги заметили моё состояние и все время спрашивали, что со мной. И, как водится, пришли к одному логическому выводу: я влюбилась. И ведь правы! Только сказать об этом я не могу, помня последние слова Кая.

Стоило только сомкнуть глаза, как он врвался в мои сновидения и брал меня снова и снова, даря наслаждение, граничащее с болью. Я так отчётливо чувствовала его руки, его запах, кожу. Потом вскакивала с надсадным криком и мокрым дрожащим телом, проклиная эту любовь, имеющую статус «Запретно». Она не спрашивает о приличиях и совести, она въелась под кожу и живёт там, течёт по венам, отравляя сладким ядом.

Я словно отрезала сама себя от всего мира, пребывая в бесконечных терзаниях. Мимо меня проплывали дни, события, потом и месяцы. Я окончила школу, наотрез отказавшись идти на выпускной. Отец в недоумении неоднократно пытался выяснить причину моего поведения, но я молчала как рыба, готовилась поступать в Лондон.

Как-то утром, сидя за завтраком, отец огорошил меня известием: «Милая, я думаю, тебе поднимет настроение новость о приезде твоего брата?» Я медленно подняла глаза и трясущейся рукой поставила чашку на стол. «Он приедет через несколько дней. Да, кстати, он приедет с девушкой, познакомить нас с нею. Наконец, твой брат решил остепениться. Говорит, замечательная девушка!» Отец с воодушевлением продолжал что-то рассказывать, но я его уже не слушала.

Вот и всё, Кай. Вот так. Последний гвоздь в мой гроб. Почувствовав тошноту, я, извинившись, поднялась к себе в комнату. Умывшись холодной водой, я долго смотрела на своё отражение. Я видела там не восемнадцатилетнюю девушку, а старуху с потухшим взглядом и черными кругами под глазами. За этот год я очень изменилась. Повзрослела. Остыли мои мечты и вдребезги разбились об острые края реальности.

Я вдруг истерически засмеялась и смеялась до тех пор, пока истерика не переросла в тихий плач. Проплакав до вечера, я всё с трудом смогла успокоиться, только спускаться к ужину не стоило. Не хватало отцу ещё понять причину моей истерики. Лежа в кровати, я представляла нашу встречу. Несмотря на такую долгую разлуку, я не могла с ним встретиться. Не могу и всё тут. Боюсь до жути встречи с ним и его девушкой.

Решение пришло мгновенно. Вика, школьная подруга, решила поступать в Лондонский колледж, и чтобы утвердиться в своём выборе, отец Вики организовал девочкам каникулы в Лондоне. Я сначала отказалась по понятным причинам. А теперь придётся поехать с ними. Быстро набрав подругу и оповестив её о своём решении, я облегчённо вздохнула. Не время ещё нам предстать друг перед другом, Кай. И плакать я больше не буду. Выплакала всё, и слёз уже не осталось.

Лондон покорило моё сердце. Теперь я понимаю, почему брат всегда сюда стремился. Это удивительный и необыкновенный город – огромное сердце Великобритании. Несмотря на унылую погоду и затянутое тучами небо, жители гостеприимного Лондона весьма приветливы, улыбки и, кажется, никогда не грустят. Тёплая атмосфера города буквально пропитана радостным настроением и творческим духом. В пятницу вечером все места отдыха, а особенно

пабы, настолько переполнены, что можно увидеть множество людей, которые просто стоят на улице, общаются и угощают друг друга вином или пивом.

Другое дело вечер воскресенья – город словно замирает, и редко можно встретить прохожего по улице. Именно в эти дни я бродила по тихим кварталам, наслаждаясь эпохой средневековья, поглощённая своими мыслями. Я старалась собрать себя и решить, как жить дальше. Я пыталась найти то верное решение, которое позволит мне просто быть... Я не откажусь от Кая ни за что на свете. Никогда. Тогда какую роль я буду играть в его жизни? И услышать тоненький противный внутренний голосок: «А сейчас какова твоя роль? Тебя уже нет в его жизни, там появилась другая!» И снова закусывать до крови губы, пытаюсь сдержать всю горечь, что прожигает нутро серной кислотой. Иногда хочется выплюнуть её на весь этот несправедливый мир и наблюдать с улыбкой, как он плавиться от гремучей смеси и приобретает уродливые формы, как и моя душа.

Смотрю на своих подруг и завидую им чёрной завистью. Они счастливы, их глаза горят, а души чисты и нараспашку, тогда как в моей сплошные дыры и прорехи. Пытаюсь залатать их сама, вручную, стежок за стежком, чтобы потом снова рвать её в клочья.

Сегодня впервые за всю неделю нашего пребывания здесь я поддаюсь уговорам подруг и решила пойти на вечеринку к Джареду, улыбчивому красивому парню, явно оказывающему мне знаки внимания. Не знаю, зачем согласилась. Наверное, потому, что глядя в его глаза и видя там надежду, не смогла её сломать и растоптать, как сломали и растоптали мою.

И вот мы на вечеринке в огромном особняке, отделанном белым камнем. Внутри было не менее шикарно, чем снаружи. Во всём чувствовался тонкий и изысканный вкус дизайнера. Девочки веселились, а я не спешила поддаваться всеобщему безумию. Дом был полон дерзкой и расслабленной молодёжи, благо обширная прилегающая к дому территория позволяла никому не мешать бушующей здесь какофонии веселья. Мне определённо здесь нравится. Я впервые ощутила лёгкость в душе и обрадовалась, что всё же решила пойти.

– Злата, я очень рад твоему присутствию. Ты просто украшение моего вечера.

Я засмеялась, тряхнув золотой копной:– Ох и хитер же лис! Ты собрал самых красивых и изысканных девушек Лондона, Джаред, а я даже не оделась соответствующе! Показываю рукой на узкие джинсы и свободную шёлковую блузу цвета морской волны. В отличие от меня девушки пестрили яркими коротенькими платьями, сверкая длинными прекрасными ножками на высоких шпильках.

– Тебе и не надо себя украшать нарядами, у тебя есть то, чего нет у них. Это сногшибательная харизма, состоящая из одних несоответствий!

– Это как? – Улыбаюсь ему.– А вот так, крошка. Пусть это будет мой секрет. Может, я тебе потом и откроюсь, но сейчас, прости, не могу.

– Ладно, как скажешь, но знай, ты меня заинтриговал.

– На это и был расчёт, Злата, на это и был!

Мы ещё какое-то время дурачились, и я поразились, какую лёгкость и удовольствие доставляет общение с этим парнем. Мы, беседуя, вышли на огромную веранду, где буйствовали самые редкие и прекрасные растения. Я с интересом их рассматривала, переходя от одного к другому. Всё больше узнавая о парне. Джаред скоро заканчивает учёбу и грозит стать великим дизайнером, впрочем, как и его мать. Её бренд один из самых дорогих и востребованных не только во всей стране, но и по всей Европе. Уже сейчас парня окружают толпы поклонниц, не дающие ему проходу. Он уже признан первым, и я от души за него рада.

– Можно задать тебе вопрос? – Вмиг посерьёзnel парень.– Задавай, конечно, только ответу ли я на него?– Твои глаза. В них такая печаль. Есть кто-то, кто её посеял в твоей душе?

Я вздрогнула, и хорошее настроение лопнуло как мыльный пузырь. Надев на лицо вновь свою броню, я постаралась тепло улыбнуться Джареду.– Прости, не отвечай. Я не имею право копаться в твоей душе.

Я тихонько выдохнула и расслабилась. Всё же открываться перед ним я не планировала.– Ты напоминаешь мою сестру. Аниту. С недавних пор в её глазах тоже живёт печаль.

– Не знала, что у тебя есть сестра.– Она очень похожа на тебя. Такая же нежная и ранимая.

– Расскажешь о ней?– Да особо и нечего. Она скромная и домашняя девушка. Закончила в этом году экономический колледж. По нашим семейным стопам наотрез отказалась идти. Анита скоро выйдет замуж. Её мужем станет твой соотечественник. Они уже купили большой дом у озера. Только печаль в её взгляде меня напрягает.

– А ты пробовал с ней поговорить?– Аккуратно начала я.

– Не один раз. Она уверяет, что все в порядке, но меня не обманешь. Я вижу ее душу. Так же как и твою. Ты как потерянная маленькая девочка, стоишь в толпе, и протягиваешь руки. А все идут мимо и смотрят сквозь тебя.– Он снова ступил на запретную стезю.

А мне стало не по себе от его слов. Он действительно прав. Я потеряла саму себя в этой толпе, а найти не знаю как.

– Не говори ничего. Позволь мне пригласить тебя завтра на пикник. Заодно и познакомлю с сестрой. Они уже должны вернуться в Лондон. Так как?

Спрятав взгляд, я задумалась. Это не просто приглашение. Готова ли я его принять? Нееет, шепчет внутренний голос. Он интересен, но не больше. Не морочь парню голову. Смотрю в его глаза и понимаю, что там бурлит ураган эмоций.

– Прости, я не могу. Мне уже пора, еще раз прости.

Выскользнула из сада, оставив его там. Нашла Викторию и сообщила, что уезжаю на виллу. Время было уже позднее, девушки нашли подходящую компанию, и домой не спешили. На улице Джаред снова догнал меня и предложил отвезти на виллу.

– Не стоит, Джаред алкоголь я не пила, поэтому не вижу причин отрывать хозяина вечеринки от своих гостей.

– Да брось, Злат, им уже хозяин не нужен. Только хозяйские верхние комнаты. Мне будет спокойней, когда я буду точно знать, что ты дома.

Вздыхнув, я согласилась. Так как наша вилла находилась совсем рядом доехали мы очень быстро. Едва машина остановилась, я поспешила в дом, избегая неловкого и ненужного прощания.

Глава 8

Злата

В доме было очень тихо. Пожилая англичанка, готовившая еду для нас, уходила очень рано, чему я и радовалась. Тишина была моим лучшим другом. В ней я предавалась самым разным фантазиям, в которых всегда присутствовал Кай. В ней же надрывно стонала и плакала от безысходности. Приняв душ и накинув теплый кардиган, я спустилась к реке, вдохнув свежий прохладный воздух полной грудью. Старалась гнать от себя мысли о нем. Как он? Соскучился? Какая она? Красивая? Других у него не было. Слишком он сам красив и мужествен. Женщины падали к его ногам, стремясь заполучить его, пожирая томными взглядами. За прошедший год нашей разлуки я до сих пор считаю его «своим» и в то же время бесконечно чужим. Как такое возможно, сама не знаю. Но это был факт, и я не чувствовала смущения, когда представляла его на себе, внутри себя, и все те безумные ощущения, что он мне дарил. Безумно соскучилась по рукам его нежным и в то же время грубым, дарящим неземное наслаждение. Мне всегда нравились его руки, с юности был пунктик обращать внимание у мужчины прежде всего на них. У Кая они красивые и ухоженные, с сеточкой проступающих под смуглой кожей вен, с мелкими шрамами на костяшках пальцев, с идеальным маникюром, что меня немного веселило поначалу. На дисплее манящим огоньком горело уведомление о новом сообщении. Я открываю его, и сердце срывается в бешеный галоп. «Нам надо поговорить, малыш, я знаю, где ты». Номер неизвестный, но мне не надо гадать, кто это. Кай уже в Лондоне. Руки трясутся, и я пытаюсь делать глубокие вздохи, чтобы взять себя в руки и ответить. «Я занята, прости...» Пишу, а у самой руки трусятся, как у алкоголички. Хочется написать, чтобы примчался скорее, как раньше, и броситься в его объятия и спрятаться в них. «Это Кай, Злата... Ты дома?» Я дрожу. Кровь кипит в венах, распространяя по телу огонь и приливая к щекам. Как же стыдно за свою готовность броситься к нему. Ненавижу себя за это, но сделать ничего не могу. Мое глупое девичье сердце бьется в груди и готово выпрыгнуть, чтобы бежать к нему навстречу. «Я спустилась к реке, поздно уже...» «Я знаю, маленькая. Ты правильно сделала, что оделась теплее. Холодно». Я, лихорадочно озираясь, устремилась обратно к вилле. От кустов отделилась высокая тень и двинулась мне навстречу, а я сбилась с шага, наблюдая за приближающимся ко мне мужчиной. В полумраке Кай выглядел совсем чужим: короткие черные волосы скрывались под такой же черной бейсболкой. Лицо было худым, черты заострились и казались будто высеченными из камня. Впалые щеки были покрыты щетиной, придавая ему разбойничий вид, но самым зловещим на этом лице были глаза: грозовые, дьявольские, кажущиеся большими за счет худобы, слегка прищуренные в эту минуту. Они настороженно следили за каждым моим движением. Я тяжело сглотнула, попытка улыбнуться провалилась с треском. Чувство неловкости затопило, и я прижала руки к груди, стараясь скрыться от возникшей между нами неловкости.

– Ты выбрала отличное место, чтобы спрятаться, Злата. Я думал, что твои игры закончились, но ты, видимо, так и не повзрослела.

Он как будто наотмашь хлестнул меня по лицу. Меня била крупная дрожь, и Кай это видел. Сжав кулаки, я спрятала руки. Он заметил это движение и слегка нахмурился, перевел взгляд на мое лицо. Я же чувствовала себя просто душой, но ничего не могла с собой поделать. Боль сковала меня изнутри и не давала вздохнуть.

– И ты явился сюда, чтобы меня в этом уличить? Не стоило себя утруждать, братец. Произнесла с иронией, выделив последнее слово.

– В России меня больше ничего не задерживает, так что не вижу смысла там торчать.

Я смотрела на него и не узнавала. Его слова ранили меня, заставляя тонуть в этой показательной агонии, давая понять всем своим видом, насколько он безразличен ко мне. Я улыбаюсь, а на душе горько. Хочется возразить, но не смею, потому что его взгляд следит за мной внимательно и предупреждает: шаг в сторону – расстрел.

Молчу, хотя это подобно тому, как если не дышать. В голове тут же образ той, кто согревает его постель. Она, наверное, такая же, как и все его женщины. Красивые, боже, до чего же они красивые! Задыхаюсь от ревности, от обиды, разрывающей на куски. Боль огнем разносится в груди, слезы накатывают, и не могу их удержать. Он приближается, а я задыхаюсь, пытаюсь сдержать рыдания. Зажмуриваю глаза, получается. Нельзя показать, как мне больно.

– Ты хотел поговорить именно об этом? Я завтра улетаю, сам понимаешь, хочу отдохнуть... – Ну да, я в курсе, ты весело проводишь время, женщина, кухарка сказала, что вы отправились на вечеринку. Как повеселилась?

– Как может веселиться девушка моего возраста? Прекрасно! Веселье, алкоголь и парни! Знаешь, молодость – сладкое время, и нужно успеть взять от нее как можно больше! Сжимает кулаки и делает шаг ближе. В темноте его глаза блестят от ярости, а губы стиснуты.

– Тогда, возможно, на правах старшего брата мне стоит больше уделять тебе времени, а то ты того и гляди по рукам пойдешь, если уже не пошла!

Я хватала открытым ртом воздух, понимая, что все пошло совсем не так, как я надеялась. Во мне говорила обида, это она, проклятая, говорила вместо меня, била фразами, стараясь ударить побольнее.

– Конечно, теперь уже сложно будет обуздать мои аппетиты, все-таки целый год вольготной жизни, знаешь ли. Но ты можешь попытаться, конечно же... – Он не дал мне договорить, схватил одной рукой затылок и подтянул к себе. Нас разделяли считанные миллиметры, и я, вдохнув глубоко его запах, прикрыла глаза от нестерпимого желания его обнять. Влажный воздух вмиг накалился, и тонкие ноздри затрепетали, прошивая меня темными, как грозовое небо, глазами.

– Скажи мне, твою мать, что всё выдумала? Скажи, что всё это херня? – Мне было мало его таким, я хотела довести его до предела, чтоб больно, как мне за этот год.

– А если не скажу, Кай? Ты меня накажешь, да? – И облизываю полные губы, чувственно и эротично, провожу языком сначала по одной губе, затем по другой. Руки на моей шее стали каменные. Я смотрела и ждала, когда он сорвется, затаив дыхание.

Отшвырнув меня в сторону, он направился к выходу. Высокая мужская фигура скрылась из виду, а я упала на колени, кусая до крови губы и хрипя от боли. Презирая себя за желание окликнуть его или догнать. Перед глазами до сих пор искаженное яростью красивое лицо и чудовищный магнетизм любимого мужчины. Он стал другим. Исчезла мягкость во взгляде. Сегодня передо мной стоял мужчина. Чужой мужчина.

Застонав, я поднялась на ноги и направилась на виллу. Уснуть так и не смогла, пролежав до утра с открытыми глазами, из которых не переставая, все текли и текли слезы.

Глава 9

Кай

Я как диабетик смотрел на самую желанную сладость, понимая, что не смогу справиться с искушением, а потому молился, чтобы Злата была хоть немного благоразумней. Знаю, что не должен был проверять ее, но больше не мог просто наблюдать за ней через монитор присланных видеозаписей, оставленным мною для нее охранником. Неизвестность сводила с ума, как и адская ревность, и в то же время я до безумия боялся того, что увижу. Но все же не выдержал – приехал сюда, хотя два часа назад клялся сам себе, что ноги на этой вилле моей не будет. Когда нас разделял океан, намного удобней было так к ней относиться, но не тогда, когда нас разделяет всего лишь квартал из каменных сооружений.

Я сжал чертов телефон с такой силой, что посинели пальцы, мне хотелось разнести его к чертям собачьим. Я задыхался от какофонии эмоций. Чувствовал себя жалким, отравленным ядом предательства, все нутро сжимало от агонии. Я видел, кто привез ее сюда. Видел и хотел раздавить ублоудка, разорвать голыми руками.

Трясущимися руками открыл входящие, которое меня интересовало. Внутри меня все дрожало, сжималось от боли, желудок скручивало. Поздно, значит! А шлаться до двух ночи – это для нее не поздно, бл*ть! Пытаюсь успокоиться, глубоко вдыхаю.

Ну зачем я здесь?

Надо успокоиться, в таком состоянии разговора не выйдет, в чем позже, смог лично убедиться.

Странно, но в эту минуту ярость ослепила мои совсем не братские чувства. Гнев, горечь и боль, накрывающая с головой. Конечно, еще рано делать вывод о чем-то, но уже одно то, что она улыбается рядом с кем-то, тогда как я не могу просто находиться рядом, убивало меня. Я усмехнулся, хотя хотелось хохотать от боли. Вот как ей было, когда я решил познакомить ее со своей невестой. Что ж, у тебя, крошка, отлично получилось с ответочкой!

Сейчас я мечтал, чтобы это была именно месть, а не любовь к этому сосунку, иначе я просто вскрыюсь. Господи, это просто насмешка судьбы – Злата и Джаред, типичный представитель золотой лондонской молодежи. Собственнические инстинкты душили. Хотелось вопить от агонии, которая пожирала меня изнутри. Я закусил до крови руку, сдерживая мат, крутящийся на языке, и вышел быстрым шагом к машине, пытаюсь успокоиться. Но меня трясло от увиденного. И от ее запаха, который вскрывал вены. Дьявол, хотелось ее на части разорвать ее и одновременно вгрызаться в чувственный рот, вспоминая вкус губ и жаркого дыхания. Меня не удивили перемены в ней. Пусть я был не рядом, но видел ее на записях и читал ежедневный отчет о том, что, где и куда. В мое отсутствие все выполняли четкие мои инструкции по ее безопасности.

Не знает, что я до победного не отпущу. Рядом буду тенью ходить, но не отпущу. За этот год едва не свихнулся, наблюдая за ней. Так далеко и так близко, возле самого сердца пригелась и болит, саднит и ноет. Нет спасенья от нее, и не будет.

Боже, что мне сделать? Хотел жениться, ровно до того момента, как улыбку ее увидел с другим. Хочется просто вскрыться, чтоб отпустила уже эта блядская боль, выворачивающая все внутренности наизнанку.

Я как параноик, как наркоман ловлю каждый ее взгляд и каждое слово, не имея возможности ответить ей тех слов, которых она ждала от меня тогда... Думал, что если буду молчать на ее чувства и удалюсь подальше, то все вернется на свои места. Она успокоится, и мы сможем наладить наши отношения. Наивный идиот! Просто так ничего не бывает. И что делать сейчас?

Стоит ее только увидеть, и все тормоза слетают. Сегодня едва удержался, чтоб не завалить ее прямо на землю и отыметь хорошенько.

Боже, до чего я дошел, готов закрыть глаза на то, что она моя сестра, это безумие не прекратилось, оно набрало обороты и вот-вот готово меня поглотить.

Завел мотор и рванул на бешеной скорости к будущей жене. Только перед глазами стояли огромные зеленые глаза и длинные золотистые волосы, шелком струясь под моей рукой.

Глава 10

Злата

Сказать, что последняя встреча с братом выбила из меня дух, – значит не сказать ничего. Каждая наша встреча была словно порцией яда, который отравлял каждую клеточку моего организма. Он не просто отравлял, он делал меня зависимой. И когда наступала стадия ломки, жить становилось невыносимо, а сердце разрывалось на миллионы осколков, требуя хоть на мгновение увидеть его. Хоть на мгновение утонуть в темно-серых глазах, пройтись взглядом по капризному изгибу губ, запрещая себе вспоминать их вкус, потому что сразу начиналась истерика.

Пытаясь усмирить отчаянную тоску, я зашла к нему в «Facebooke», и взгляд упал на фото в его личном альбоме. Я застыла, чтобы спустя секунду биться в истерике и кричать в подушку, боясь, что отец решит, что я сошла с ума. От этой картины меня прошибало током, а ревность, едкая и жгучая, как щелочь, прожигала насквозь. Он так держал её, Господи, лучше бы я ослепла и никогда не видела его таким счастливым. Быстро же он оправился от нашей встречи!

Пост под фотографией жег мозг раскалённой сталью, заставляя захлебываться собственной желчью и завистью. В этот момент я чувствовала себя сломанной и никому не нужной. «Пью счастье слишком жадно!» – гласила надпись.

Но больше всего меня раздавил вид этой девицы. Счастливое лицо блондинки, красивое, стоит отметить, было лучшим доказательством правоты его слов. Я ревниво смотрела, как голубые глазенки счастливо пылали, а полные аппетитные губы замерли в миллиметре от мужских губ. Я задыхалась, не могла смотреть, не могла понимать, что не я та, кто дарит ему это его счастье. Не мои губы сводят его с ума. Он просто не мой! И волосы хотелось рвать в клочья, и горло сорвать, вымещая в беззвучном крике всю накопившуюся за этот год боль.

Это было тяжёлое время. Я то впадала в апатию, то приходила в себя, пытаюсь жить, интересоваться всеми теми вещами, которыми присуще интересоваться девушке в моём возрасте. Вечеринки просто вгоняли меня в ступор. Неинтересные, невкусные разговоры ни о чём, примитивный юмор и ужасающе скучный флирт – всё это было не для меня. В один из таких вечеров я случайно поймала своё отражение в зеркале и хохотала до слёз, осознав всю нелепость таких вылазок. Зачем? Кого я пытаюсь обмануть? Как можно, испробовав тончайший вкус изысканного вина, заставить пить себя палёный суррогат? Всё это не имело для меня значения, и я продолжала жить в своём мире, отгородившись ото всех невидимым щитом.

Лето было почти на исходе, когда город сотрясла ужасная и чудовищная весть. Викторину нашли мёртвой. Подруга стала жертвой маньяка. Её смерть была чудовищной. Истерзанное тело нашли в парке, недалеко от нашего дома. По версии полиции, она вполне могла направляться ко мне, потому что это был её обычный маршрут, когда она ходила ко мне. На машине ехать смысла не было, в объезд на пробки уходило много времени, и поэтому мы вот так по аллее, через парк ходили друг к другу.

Меня мучило чувство вины, в последнее время я замкнулась в себе, не находя в себе силы даже поговорить по телефону. Её смерть выбила меня из колеи горечи и самоистязания. Заставила посмотреть на свою жизнь другими глазами. Заставила прозреть.

Услышав страшную весть, я поспешила в дом подруги, желая утешить Ирину Викторовну и хоть как-то искупить вину, не ожидая встретить такой приём. Я не сразу узнала в открывшей дверь осунувшейся, ссутулившейся женщине статную и эффектную мать моей подруги. Пой-

мав измученный взгляд убитой горем женщины, я отшатнулась. Столько ненависти и злости было в её взгляде.

– Ты... Как посмела ты прийти сюда? Это ты, из-за тебя моя девочка решила идти к тебе в ночь. Тебе же некогда было трубку поднять и просто поговорить с моей девочкой! Дрянь! Пошла вон отсюда!

Нетвердой походкой я побрела прочь, глотая слёзы и, как рыба, раскрытым ртом, в надежде вдохнуть глоток кислорода. Всё так. Всё справедливо. Это я, из-за меня всё случилось. Если бы только я не была столь заиклена на своей неразделенной любви и не ослепла от горя!

Перед глазами стояла Виктория. Она была доброй и милой девочкой. Впервые увидев девочку с рыжими вихрастыми волосами, усыпанную веснушками, и поймав её тёплый взгляд, я поняла, что мы подружимся. Так и получилось. Она была настолько прекрасным человеком, насколько я испорчена в поблajках и безграничной любви брата. Но мы отлично ладили друг с другом и никогда не ссорились. При мысли о нём сердце снова отозвалось болью.

И стоя на похоронах единственного человека, который принимал меня такой, какая я есть, глядя в зияющую рану земли, я чувствовала себя одинокой и совершенно пустой. Равнодушно осматриваю чужие лица, на которых сквозит лицемерие и равнодушие, слегка прикрытое скорбной маской, которую гости этого мероприятия даже не считали нужным держать. Стервятники слетелись в поисках наживы, чтобы потом смаковать чужое горе за закрытыми дверями своих будуаров.

Белый резной лаковый гроб казался среди мрачной серости и сырости чем-то совершенно неуместным в этом месте. Его крышку решили не поднимать, дабы не шокировать общественность. Но я её видела, и теперь изуродованное лицо девушки будет преследовать меня вечно. Мать не посмела выгнать меня, увидев рядом отца, за что я была ему безгранично благодарна. Конечно, глупо бояться мертвых, куда страшнее живые. Только живые могут так испытывать взглядом, заставляя чувствовать липкий до омерзения взгляд. Осторожно пытаюсь понять, кому он принадлежит, но всё тщетно. У подавляющего большинства, несмотря на пасмурную погоду, на глазах тёмные очки. Ощущение страха не проходило, заставляя то и дело вскидываться, озираясь по сторонам.

– Милая, ты в порядке? Только скажи, Эдик подгонит машину к боковому входу.

Отец с осунувшимся лицом так же тревожно хмурился. Очевидно, моё состояние перешло и ему.

– Мне нужно быть с ней до конца. – Шепчу ему в плечо, опираясь на твердую руку.

– Как скажешь. После погребения сразу домой, без возражений.

Соглашаясь и вздохнув, медленно кивнула. В последнее время отец нервный стал. Его знаменитая невозмутимость, которая была легендой в высших слоях общества, дала трещину. Каменное лицо застыло, словно маска, испещрённая резкими глубокими морщинами. В отличие от остальных гостей, отец глаз не прятал и так же с презрением осматривал всех остальных.

Начал моросить противный мелкий дождь, и холод мгновенно пробрал до костей. Последний раз посмотрев в лучезарный взгляд на портрете, перетянутом чёрной траурной лентой, я поспешила уйти. Опираясь на руку отца, я медленно шла, еле переставляя ноги. Виски ломало от боли, а тело сковала дикая усталость, поэтому я не сразу сообразила, что мы остановились возле низкой оградки, увитой старым засохшим плющом, рука на моей спине напряглась, а меня окутал запах свежести с нотками горечи и цитруса.

Подняла взгляд, и мир рассыпался на миллиард осколков. Мне показалось, это мираж, я даже моргнула несколько раз, пытаюсь прогнать наваждение. Захотелось броситься в тёплые родные объятия, спрятаться в них от всего мира, укрыться от происходящего ужаса.

Кай, словно считав мои эмоции, раскрыл объятия, делая шаг в мою сторону. Я ещё не успела осознать, а ноги уже несли меня в умиротворяющую гавань его рук.

Дальше всё было словно во сне. Исчезло всё вокруг. Как добирались домой, как в кабинете отца брат отпаивал меня горячим вином и растирал заледеневшие конечности. Я могла только безмолвно смотреть, отчаянно боясь разрушить то хрупкое перемирие, которое воцарилось между нами. Как же хотелось поблагодарить его за то, что прилетел, за то, что один, без неё. Потому как её я бы не вынесла. Смотрю на поджатые губы и улыбаюсь. И сердце бьётся быстрее, когда ответная улыбка озаряет хмурое лицо, и появляются милые ямочки, превращая этого грубого brutального мужчину в мальчишку из прошлого. Только во взгляде тьма. Она переливается всеми оттенками стали, пряча в своей глубине самое сокровенное.

– Ты останешься? – Спрашиваю хриплым надломленным голосом, с замиранием сердца.

Кай скользит взглядом по моему лицу, но по его непроницаемому виду невозможно понять, о чём он думает.

– Сколько потребуется.

С облегчением втягиваю воздух, понимая, что не дышала. Потом решаюсь на ещё один сумасшедший поступок. Беру его руку и прижимаюсь к ней губами. Кай вздрагивает, словно от удара током, но не убирает ладонь. Смотрит в глаза своими темными серыми глазами, нервно сглотнув.

– Знаешь, что я сегодня поняла, когда стояла у могилы Виктории?

Он молчал, не отводя взгляда, но я продолжала говорить:

– Я поняла, что в жизни можно не успеть. Мы можем строить планы, мечтать, работать до изнеможения – и всё равно не успеть. Многие скажут, что нам, представителям высшего света, повезло в жизни. Возможно, так и есть. У Виктории было всё, о чём только может мечтать самая изысканная девушка. Но разве сталь в руках убийцы выбирает жертву по этому признаку? Я видела её, Кай, и никогда не забуду. Её жестоко зарезали, как скотину. Глубокие жуткие порезы на животе, горле... руках. Мне страшно представить, через какой ад она прошла.

Слёзы уже давно стекали по моим щекам, капая и оставляя разводы на чёрной шифоновой блузке. Кай подошёл, опустился на корточки передо мной и осторожно вытер влагу жёсткими подушечками пальцев. Я боялась вдохнуть воздух, чтобы своим шумным дыханием не спугнуть его.

– Злата... Я клянусь, что пока я жив, крошка, ты сможешь успеть всё и даже больше. Твоя подруга стала жертвой маньяка, это правда. И у меня кровь в жилах стынет, когда я думаю, что через этот гребаный парк могла идти ты к ней, а не наоборот. Сейчас оставаться в этом городе очень опасно. Поэтому ты на днях улетаешь в Лондон со мной. Через две недели начнутся занятия, и тебе лучше быть в поле моего зрения.

Я согласно кивнула, хотя на языке крутилась масса вопросов. Но благоразумно решила их отложить на потом. Пожелав спокойной ночи брату, я поднялась в свою комнату. Приняв душ и устроившись в постели, я ещё долго лежала без сна, представляя, как Кай стоит под горячими струями, как его смуглое рельефное тело покрывается капельками воды, и это происходит рядом, всего лишь в комнате напротив. А ещё в моей душе поднималась тёплая знакомая волна предвкушения. Может быть, лёд тронулся?

Незаметно для себя уснула, но и во сне меня преследовал брат. Он хмуро глядел за мою спину, сжимая кулаки, но как ни пыталась я оглянуться, никого за своей спиной разглядеть не смогла.

Глава 11

Кай

Конференция подходила к концу, и мне оставалось лишь обсудить прогнозы продаж на будущий месяц, чтобы наконец-то расслабиться. Этот месяц был невероятно сложным, и я чувствовал себя полностью истощённым. И дело было не только в сумасшедшем рабочем графике.

Меня всё чаще посещала мысль, что жизнь проходит мимо, что вокруг меня множество людей, но я всё равно один. Спустя месяц одиночества и беспроглядной тьмы я каждый день пытался бороться с собой, со своей кармой и извращённым желанием, которое терзало меня не только ночью, но и днём.

Потребность в ней и зависимость, необходимость видеть её, заставляла меня открывать видеозаписи не только для того, чтобы убедиться в её безопасности, но и чтобы удовлетворить свои желания. Секс с моей будущей женой не приносил облегчения. В последнее время он сводился лишь к механическим действиям, вызывая в душе лишь чувство пустоты и неудовлетворения.

– Мистер Орланов, прикажете продолжать? – услышал я голос своего помощника и понял, что он ждёт ответа. Махнув рукой, я дал понять, чтобы он продолжал, и вновь погрузился в свои мысли. Интересно, как бы изменилось лицо этого педанта, если бы он знал, о чём я думаю во время его скучного доклада? О прелестях своей сводной сестры. Этого англичанишку хватил бы удар.

Меня порой поражала скучная натура местных жителей. Благородны до кончиков ногтей, и настолько же ленивы. Прикрываясь понятиями о чести, с завистью заглядывают в чужой кошелёк, мечтая о достатке, но при этом живя строго по инструкции своей страны.

Зазвонил телефон, и я, не глядя, принял вызов, заметив, как недовольно поджалась губы мистера Бакленда.

– Кай, у нас ЧП, – коротко и по факту докладывает начальник охраны Златы. – Убита подруга вашей сестры. Убита, можно сказать, прямо под вашим особняком. В юго-восточной стороне парка.

– Что, бл*дь? – сквозь зубы по-русски произношу в трубку, ловя недоуменные взгляды сотрудников компании. – С ней всё в порядке? – хриплю в трубку, чувствуя, как по спине стекает липкий холодный пот. Если этот хрен её проморгал, в городе найдут ещё один труп.

– С вашей сестрой всё в порядке. Она в безопасности. Но ситуация, скажем так, очень странная.

Пустота заполняет меня, словно вакуум, не позволяя расслышать последние слова. Когда они всё же достигают моего сознания сквозь ватный заслон, я шумно выдыхаю, а сердце замедляет бег.

– Минутку, – и уже сотруднице: – Миссис Стоун, срочно билет до Москвы на ближайшее время вылета.

Миссис Стоун бросилась выполнять поручение, и я обратился в слух, не замечая, как понятливые и натасканные сотрудники бесшумно покидают зал. Не зря я плачу им бешеные бабки, для таких специалистов проницательность – качество исключительно нужное.

– Рассказывай.

– Со слов матери девчонки стало известно, что она направлялась к вашей сестре. Уходила она с женским рюкзаком, который вечно таскала с собой. А вот на месте убийства его не оказалось. Девочку нашёл утром мужчина, совершавший утреннюю пробежку. Но вся стран-

ность в том, что этот участок нельзя назвать глухим. Он отлично просматривается с озера, на котором всегда многолюдно. Поэтому...

– Ты хочешь сказать, что девку убили не в парке?

– Совершенно верно. Не в нём. Но где-то очень близко.

– Это всё?

– Ну, если вас не интересуют подробности убийства...

– Я скоро прилечу. Со Златы глаз не спускай, тенью ходи и спи под дверью. Понял?

– Конечно, Кай, обижаешь. К слову, в этот день ваша сестра находилась в комнате. Как и все предыдущие дни. Девчонка замкнута и с виду в тяжёлом депресняке. Если...

– Я читал твои отчёты, нет смысла мне их дублировать. Всё. Скоро буду. Жди и собери все детали этого дела.

Раздав указания и назначив главного в моё отсутствие, я набрал ещё один номер. После долгих гудков на том конце ответили с робкой надеждой, и мне сразу стало стыдно. Это чувство поднимало свою уродливую голову всякий раз, когда нам приходилось общаться. По всем меркам эта девушка именно то, что мне нужно. Умна, красива, интеллигентна и скромна. Её беда лишь в том, что она не заставляет пьянеть разум и кипеть кровь в венах. Не она приходит в мои сны и изводит чувственными изгибами мою плоть. Не она заставляет желать себя до зуда в кончиках пальцев. Но мечты о Злате так и останутся мечтами. Каким же мудаком я себя чувствовал каждый раз, когда не мог совладать с собой, и раздражение прорывалось наружу. Сколько раз себя уговаривал одуматься и не рушить жизнь себе и ей. Но всё без толку. Как оказалось, это сильнее меня. Намного.

– Привет, детка. Я не поздно?

– Нет, милый. Ты же знаешь, я тебе всегда рада. Как дела на работе?

– Я, собственно, поэтому и звоню. Срочно улетаю в Москву. – Слышу судорожный вздох и зачем-то добавляю, мысленно чертыхнувшись: – Неотложные дела.

– Когда ты вернёшься? Ты же знаешь, в выходные у нас приём, на котором мы объявим о помолвке. Я не хотела бы встречать гостей одна.

Раздражение снова поднималось медленной волной в моём и без того взвинченном теле. Какой, нах*й, приём? Стараюсь взять себя в руки. Моя девушка – типичный представитель английской аристократии. Такие вычурные показухи, типа приёма, являлись для неё мероприятием первостепенной важности, не прийти на которое можно лишь по причине внезапной кончины.

– Я вернусь к этому времени, обещаю. Целую. До встречи.

Попытался скорее закончить разговор, стараясь избежать очередной порции нотаций о моём пофигизме. Интересно, что бы она сказала, пожив в России и поближе познакомившись с местным менталитетом? Но эти мысли вскоре покинули меня, их вытеснило беспокойство за другую девушку, с самыми красивыми волосами на всей планете и зелёными, словно молодая зелень, глазами. Златуля, тебе всё-таки удалось скрутить меня в бараний рог, детка. Твоя взяла.

Самолет приземлился около полудня, плюс неизменные пробки на дорогах, и я решаю ехать сразу на кладбище. Как там моя девочка? Впервые она столкнулась с ужасающей реальностью этого мира, где похоть и извращенность нашего общества уже давно является не изыском, а просто нормой для таких богачей с прогнившим насквозь нутром.

Что это был кто-то из нашего круга, не вызывало сомнений. Эти игры велись ещё задолго до того, как я стал понимать что-либо и анализировать. Как-то в детстве, задержавшись на банкете с отцом, я был свидетелем, как в дом богатого и влиятельного, с виду озорного и добродушного старичка привезли молоденьких девочек, с виду лет тринадцати-четырнадцати.

Только спустя годы я понял, что их скованный и заторможенный вид – следствие действия психотропных средств, которыми пичкали девочек, чтобы подавить сопротивление. Девочки были чудо как хороши, одеты словно куклы, в простенькие платьица с оборочкой до колен.

Помню, мне даже пришла в голову мысль пробраться в комнату, где скрылись красавицы, и познакомиться поближе. Что я, собственно, и сделал. И помню гнев отца и добродушного старичка, который визжал и брызгал слюной, требуя принять меры моего отца, когда меня там обнаружили. Разумеется, отец меры принимать не стал, дядька вскоре успокоился, а меня отправили домой.

На все мои дальнейшие расспросы отец лишь сильнее хмурился, не в силах внятно объяснить, зачем же привезли маленьких милах в дом к женатому и уважаемому представителю общества.

Когда мне было пятнадцать, этот случай повторился с поразительной точностью, заставив меня крепко поругаться с собственным отцом. Я бросал ему в лицо обличительные слова, оскорблял и требовал прекратить заниматься растлением детей, на что он мне возразил: «Чтобы остановить несущийся на бешеной скорости грузовик, одного человека маловато...» Затем спросил меня, что я сделал бы в случае с грузовиком: упал под колеса несущейся машине или запрыгнул на него и поехал дальше по жизни, имея власть и деньги?

Конечно, ответ в таком контексте напрашивался сам собой, но не для меня. С тех пор единственное чувство, которое я испытывал к нему, это чувство отвращения и омерзения. Нечего и говорить, насколько обострились наши отношения, когда я заметил его нездоровый интерес к собственной дочери. Всё началось со злополучного платьица с пышной каймой рюш, которое он ей подарил на двенадцать лет. Увидел её в нём и потребовал снять. Когда плачущая Злата всё же стянула его, я изодрал в клочья, не желая объяснять ей причину своих, как ей казалось, кощунственных действий в отношении ни в чём не повинного платья. Она тогда не разговаривала со мной неделю, потом, позже, я вырвал с неё обещание никогда не надевать такие наряды ни при каких обстоятельствах. В свою очередь, она взяла с меня обещание когда-нибудь рассказать, почему отказалась от такого важного для каждой девочки атрибута женской одежды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.